КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-26>

Религиозный экфрасис в произведении С. П. Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь»

Бознак Ольга Анатольевна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, olgaboznak@rambler.ru,
<http://orcid.org/0000-0001-7339-3149>

Аннотация. *Религиозный экфрасис — важный жанрообразующий компонент путешествий паломнического типа. Его художественная природа в путешествиях XIX века сложна, так как он не только основывается на взаимодействии разносемантических систем, но и соединяет в себе традиционный для православной культуры эстетический код с индивидуальными творческими установками автора. Целью данного исследования является целостный анализ поэтики и функций религиозного экфрасиса в одном из показательных для жанровой традиции литературы путешествий середины XIX века произведений — «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С.П. Шевырёва в 1847 году» (1850). На примере экфрасиса иконостаса, иконы и храмовой архитектуры, священного пространства монастыря характеризуются*

разновидности религиозного экфрасиса, а также его структурные особенности и функции. Анализ поэтики и функции религиозного экфрасиса проводится с опорой на историко-литературный и структурно-семиотический методы исследования текста. В статье показано, что религиозный экфрасис сосуществует в книге наряду с другими типами, в частности искусствоведческим, что связано с жанровой спецификой анализируемого текста, вобравшего в себя черты «ученого путешествия» и паломничества. Проанализирована специфика толковательного и психологического типов религиозного экфрасиса, выявлено присутствие диалогической формы экфрасиса в тексте, раскрыта функция обращений к произведениям духовной словесности в экфрасических фрагментах произведения. Результаты исследования могут быть использованы при анализе феномена религиозного экфрасиса в произведениях паломнической прозы и других жанров, выявлении общих типологических черт данного художественного явления и особенностей индивидуальных творческих задач авторов.

Ключевые слова: С. П. Шевырёв, русская литература XIX века, паломническая проза, религиозный экфрасис, толковательный и психологический экфрасис, диалогический экфрасис, духовная словесность

Для цитирования: Бознак О. А. Религиозный экфрасис в произведении С. П. Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 26—42. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-26>.

Religious Ecphrasis in the Work “A Trip to Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevryov

Olga A. Boznak

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia, olgaboznak@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7339-3149>

Abstract: Religious ecphrasis is an important genre-forming component of pilgrimage travel. Its artistic nature in the travels of the 19th century is complex since it is not only based on the interaction of different-semantic systems, but also combines the aesthetic code traditional for Orthodox culture with the author's individual creative attitudes. The purpose of this study is a holistic analysis of the poetics and functions of religious ecphrasis in one of the works that are indicative of the genre tradition of travel literature in the mid-19th century — “A Trip to Kirillo-Belozersky Monastery. Vacation Days of Professor S.P. Shevryov in 1847” (1850). Based on the example of ecphrasis of the iconostasis, icons and temple architecture, the sacred space of the monastery, varieties of religious ecphrasis, as

well as its structural features and functions, are characterized. The analysis of the poetics and functions of religious ecphrasis is carried out based on the historical-literary and structural-semiotic methods of text research. The article shows that religious ecphrasis coexists in the book along with other types, in particular art criticism associated with genre specificity of the analyzed text which has absorbed features of "scholarly travel" and pilgrimage. The specificity of interpretative and psychological types of religious ecphrasis is analyzed, dialogical form of ecphrasis in the text is revealed, the function of referring to the works of spiritual literature in the ecphrastic fragments of the work is presented. The results of the study can be used to analyze phenomenon of religious ecphrasis in the works of pilgrimage prose and other genres, to identify common typological features of this artistic phenomenon and the characteristics of individual creative tasks of the authors.

Keywords: *S. P. Shevyryov, Russian literature of the 19th century, pilgrimage prose, religious ecphrasis, interpretative and psychological ecphrasis, dialogic ecphrasis, spiritual literature*

For citation: *Boznak O. A. Religious ecphrasis in the work "A trip to Kirillo-Bezozersky Monastery" by S. P. Shevyryov. Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education. 2021(4):26—42. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-26>.*

Введение. Исследование функции и поэтики экфрасиса в художественной культуре является одной из актуальных проблем современной науки. Заметной тенденцией в изучении экфрасиса становится анализ его места в произведениях, принадлежащих к жанровой традиции паломничества и путешествий, ставшей, по наблюдению Л. Геллера, одним из источников экфрасиса в русской словесности [1, с. 14]. В древнерусских паломничествах, а также в литературных путешествиях «паломнического» типа в культуре Нового времени, совмещающих в себе две жанровых традиции — религиозного паломничества и светского путешествия, весьма значительна роль религиозного экфрасиса.

Его специфика была осмыслена современными учеными в контексте разных жанровых традиций. По определению Л. Геллера, религиозный экфрасис предстает в произведении как «приглашение-побуждение к духовному видению как высшему восприятию мира и восприятию высшего мира, и вместе с тем — принцип сакрализации художественности как гарантии целостности восприятия» [1, с. 19]. Н. Е. Меднис, анализируя данный тип экфрасиса на материале русской поэзии XIX века, подчеркивает, что он

«стремится к расширению умом и сердцем постигаемых границ» [2, с. 61], выражению подтекста произведения. В отличие от других видов экфрасиса, религиозный подчеркивает границу двух миров — земного и небесного — актуализируя духовный смысл текста.

Значение и особенности религиозного экфрасиса в путешествиях паломнического типа XIX века становились предметом специального внимания исследователей: О. Н. Александровой-Осокиной [3; 4], О. Н. Хайруллиной [5], хотя таких работ пока немного. О. Н. Александрова-Осокина, справедливо отмечая сложность экфрасиса как художественного явления, показывает, что в русских паломнических путешествиях его специфика определяется как общим для авторов восприятием мира как храма, так и индивидуальными художественными задачами писателя.

Очевидно, что в синтетичных по своей жанровой природе путешествиях первой половины XIX века наряду с религиозным экфрасисом присутствуют и другие его разновидности, а способы экфрастического построения текста приобретают большое разнообразие. Все это свидетельствует о необходимости самостоятельного и более детального изучения проблемы экфрасиса в произведениях этого жанра.

Предметом анализа в данной статье является религиозный экфрасис в книге поэта, публициста, литературного критика, историка литературы С. П. Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. П. Шевырёва в 1847 году» (1850). Это произведение совмещает в себе черты «ученого» путешествия и паломничества. Двойственность жанровой природы определяет и специфику экфрасиса в книге.

Экфрасис в «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь» как самостоятельная проблема уже становился предметом нашего внимания [6], в частности была рассмотрена специфика научного экфрасиса в книге [7]. На значимость религиозного экфрасиса в книге указывала О. Н. Александрова-Осокина [8]. В данной работе впервые представлен развернутый анализ структурных особенностей и функции религиозного экфрасиса в книге в сопоставлении с другими типами экфрасиса.

Цель работы заключается в целостном анализе поэтики религиозного экфрасиса в «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь»

С. П. Шевырёва, выявлении особенностей его организации и роли в достижении творческой задачи автора.

Методы исследования, теоретическая база. Анализ поэтики и функции религиозного экфрасиса проводится с опорой на историко-литературный и структурно-семиотический методы исследования текста. Использование структурно-семиотического подхода обусловлено предметом исследования. Являясь междисциплинарным феноменом, экфрасис в литературе не только переводит язык одного вида искусства в другой, но и эксплицирует скрытый смысл визуального произведения, определяет характер его интерпретации.

Религиозный экфрасис объектов церковно-христианской культуры предполагает учет традиционно-культурного кода, поэтому в работах, посвященных экфрасису в паломнической прозе, за основу берется типология В. В. Бычкова [9], выделившего несколько типов экфрасиса, в частности толковательный и психологический, характерных для византийской эстетики. Также специфику экфрасиса определяют по типу референта, по преимуществу религиозных объектов, литургического действия, природного пространства. Обоснованность такого подхода очевидна и объясняется следованием авторами паломнической прозы традиции древнерусской словесности, воспринявшей принципы описания церковно-религиозных объектов и предметного мира в целом из византийской традиции, поэтому в данной работе анализ экфрасиса осуществляется в рамках описанного подхода.

Вместе с тем представляется важным проследить и другие структурные особенности экфрасиса, в частности диалогическую природу, описанную в исследовании Н. В. Брагинской [10]. Характер использования автором укорененных в культурной традиции типов и форм экфрасиса в произведениях Нового времени, в том числе и в «Поездке», во многом определяется личностью автора, его идейными установками и творческими задачами, а значит предполагает учет как традиционно-культурного кода, так и индивидуальной позиции создателя произведения.

Теоретической базой исследования явились труды, посвященные поэтике экфрасиса Л. Геллера [1], Н. В. Брагинской [10], Р. Бобрыка [11], В. В. Бычкова [9], А. Лебедева [12], Н. Е. Меднис [2], Е. В. Яценко [13] и др., а также работы, посвященные семиотике

текстов церковно-православного искусства Б. А. Успенского [14] и П. Флоренского [15].

Результаты исследования и их обсуждение. Книга С. П. Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (далее — «Поездка». — *О.Б.*) неоднородна в плане жанровой традиции. Это произведение совмещает в себе черты «ученого» путешествия (автор — историк русской словесности — совершает поездку, чтобы познакомиться с фондами библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря) и паломнического (посещая святые места, автор воспринимает и изображает их не только как памятники культуры и истории, но и как священное пространство), чем определяется включение автором в книгу разных типов экфрасиса: научного, культурно-исторического и религиозного. Каждый из названных типов экфрасиса соотносится с определенным структурно-семантическим уровнем текста. Так, например, научный экфрасис появляется в книге в описании памятников библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, а также в словесном изображении-характеристике особенностей храмовой архитектуры, фресок и икон, церковной утвари. Будучи профессиональным филологом, С. П. Шевырёв получил и хорошую искусствоведческую подготовку, потому он осматривает памятники религиозного искусства как ученый-искусствовед: делает наблюдения об иконописных школах, времени создания памятника, особенностях иконного письма и иконографической композиции памятников, специфике храмовой архитектуры. Данный тип описания, как правило, сопровождается словесным анализом произведения и в ряде случаев развернутым комментарием или визуальной цитатой, что является характерным признаком искусствоведческого типа экфрасиса [11].

Другой структурно-семантический уровень книги связан с паломнической традицией. Автор предстает в книге не только как ученый, но и как верующий человек, православный христианин, воспринимающий и изображающий храмы, монастыри, произведения религиозного искусства как священное пространство. На этом уровне произведения реализуется религиозный экфрасис, на специфике которого мы сосредоточим внимание в данной работе.

Не всегда можно провести четкую границу между разными типами экфрасиса, поскольку все изображаемое в книге пространство русской культуры, включая ландшафт, восприни-

мается автором с позиции верующего. Это проявляется, например, в том, что конструируемый в произведении пейзаж приобретает символические функции и его изображение несет на себе черты немиметического толковательного экфрасиса. Вместе с тем часть описаний церковно-религиозных объектов не являются примерами религиозного экфрасиса, поскольку цель его — не «побуждение к духовному видению как высшему восприятию мира» [1, с. 19], а воспроизведение «предметного аспекта произведения» [11, с. 182], изображение объекта как памятника определенного вида искусства, эпохи, художественной школы и т. д. Наиболее показательным примером такого вида экфрасиса в книге является описание иконы «Образ Распятия Господа — Семь Таинств» Спасо-Преображенского храма в Переславле-Залесском [16, с. 69—70] или Васильевских дверей соборной церкви Успенского монастыря в Александрове [16, с. 53—54].

Одним из наиболее показательных примеров религиозного экфрасиса в книге является описание иконостаса собора Успенского монастыря в Александрове. «Свет падал сверху из продольных стекол шеи купола и чудно озарял весь иконостас: давно не испытывал я подобного впечатления. Вся великая тайна Бога Слова, предвечно рожденного, земное воплощение, Царь мира и сонмы небесные Церкви, склоняющиеся с обеих сторон перед неисповедимой тайной Христовой Веры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, апостолы, мученики, исповедники, праотцы — в лучах дневного света являлись мне во всех подробностях и производили на меня то впечатление, которое должен производить иконостас храма — это видимое таинственное небо нашей Церкви» [16, с. 52].

Образ иконостаса создается с помощью перечисления представленных в нем иконописных сюжетов и образов, но, в отличие от научного экфрасиса, здесь нет указаний на время создания, характеристики иконописного стиля. Автор передает свое впечатление, которое воплощает характер восприятия иконостаса как сакрального пространства верующим. Иконостас, писал о. П. Флоренский, «есть граница между миром видимым и миром невидимым», он указывает молящимся на тайны алтаря, символизирующего небо, «место невидимого, область, оторванную от мира, пространство не-от-мирное». Иконостас открывает верующим «вход в иной мир», образы иконостаса — «окна»,

позволяющие увидеть «живых свидетелей Божиих», «явление святых и ангелов» [15, с. 36—41]. Восприятие изображаемого объекта здесь — не эстетическое созерцание, а молитвенное предстояние, позволяющее увидеть духовным взором «таинственное небо нашей Церкви». Такое восприятие образов иконостаса трижды отмечено в самом описании. Иконостас раскрывает предстоящему «великую тайну Бога Слова», «неисповедимую тайну Христовой Веры», «таинственное небо нашей Церкви». Показательно, на наш взгляд, использование глагола «являлись», употребленного в значении «делались явным», «открывались» [17, с. 479], подчеркивающего отмеченную выше специфику восприятия.

В данном фрагменте отчетливо прослеживается одна из особенностей экфрасиса: он переводит в слово не объект, а фиксирует последовательность движения глаз и зрительных впечатлений, создает иконический образ не картины, а видения [1, с. 10]. В приведенном описании иконостаса отчетливо прослеживается направление взгляда. Сначала взгляд воспринимающего устремляется вверх и охватывает объект в целом: «Свет падал сверху из продольных стекол шеи купола и чудно озарял весь иконостас». Дальнейшее перечисление сюжетов и образов иконостаса фиксирует обратное движение глаза: снизу вверх (сначала земное воплощение «Бога Слова, предвечно рожденного» — Благовещение — изображающееся на Царских вратах, располагающихся в нижнем (местном) ряду иконостаса; затем следует иконографический ряд второго, деисусного чина: «Царь мира и сонмы небесные Церкви, склоняющиеся с обеих сторон перед неисповедимой тайной Христовой Веры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, апостолы, мученики, исповедники». Далее упоминаются праотцы — указание на иконографию пятого, праотеческого ряда). Отметим, что чтение иконостаса в данном эпизоде отражает особенности пространственной организации иконы и ее символики: сначала взгляд падает на образ, расположенный по правую руку от изображения Христа — Богоматерь, а затем на то, что слева — Иоанн Предтеча. При этом благодаря несовершенной форме глаголов «являлись» и «производили» созерцание иконостаса предстает как процесс, длящееся действие.

Проанализированный фрагмент представляет собой соединение двух типов религиозного экфрасиса, восходящих к византийской

религиозно-эстетической традиции и активно использовавшихся в жанрах церковного красноречия: толковательного и психологического. Толковательный тип экфрасиса объединяет «описание произведения с элементами образно-символического объяснения отдельных его частей или всего произведения в целом» [9, с. 141], а психологический характеризуется переносом «акцента с описания самого произведения на описание субъективного впечатления от него» [9, с. 141]. В приведенном примере преобладает психологическая составляющая; субъективное впечатление предстает как переживание мистической реальности образов иконостаса, позволяющей вступить в мистическое «общение» с прототипом.

Эта структурная особенность — конструирование ситуации молитвенного общения — является одной из устойчивых в русском литературном религиозном экфрасисе [2]. Присутствует в данном описании и еще один структурный элемент, характеризующий, по наблюдению Н. Е. Меднис, специфику религиозного экфрасиса в русской литературе. Это такой принцип введения экфрасиса в текст, в котором подчеркивается выделение описываемого произведения из множества [2]. В анализируемом примере эта черта предстает как выделение не объекта из числа других, а испытываемого переживания: «давно не испытывал я подобного впечатления». Этот прием подчеркивает уникальность восприятия. Не случайно в книге при всем множестве и разнообразии экфрастических фрагментов подобных описаний очень немного.

Встречается в «Поездке» и толковательный тип экфрасиса в чистом виде. Специфика его заключается в том, что автор ставит задачу не столько описать произведение, сколько объяснить его символический смысл. Примером может служить описание Спасо-Преображенского собора Спасо-Вифанского монастыря, учрежденного митр. Платоном (Левшиным) в 1783 году недалеко от Троице-Сергиевой Лавры.

Автор «Поездки» лишь называет объект, указывая на положение храмов — «один над другим» [16, с. 38]. И сразу вслед за этим приводит толкование символики храмовой архитектуры, причем делает это не от своего имени, а цитируя слова его основателя митр. Платона: «Храм сей посвящен святейшему имени Преобразившегося Господа, а сущий под ним храм посвящен Тому же Господу, воскресившему Лазаря из мертвых. Один храм к другому имеет близкое отношение.

Ибо между Воскресением и Преображением есть союз таинственный. Не говорю я о Воскресении и Преображении Христовом, но о воскресении и преображении нашем. Ибо Христос и воскрес для нашего воскресения, и преобразился для преобразования нашего...

Выходя из нижнего сего храма, восходим на сей верхний. Так, выходя из гроба воскресением, восходим мы в храм славы, преобразуясь из тления в нетление. Не можно удостоиться преобразования, доколе не удостоимся воскресения» [16, с. 38].

Отметим, что в цитируемом автором «Поездке» слове митр. Платона собственно описания храма нет, он дает только его толкование. Но в этом и заключается одна из особенностей экфрасиса как элемента проповеди: проповедник призывает к «мистическому видению», способности духовным оком в видимом увидеть знаки высшей реальности [12, с. 43—44].

Такой прием — цитирование произведений духовной словесности, дополнение собственного описания экфрасистическим компонентом проповеди — не единожды используется С. П. Шевырёвым. Митр. Платон (Левшин) и митр. Филарет (Дроздов), произведения которых С. П. Шевырёв цитирует в «Поездке», предстают не только как личности с огромным духовным авторитетом, но и как основатели тех святынь, о которых идет речь, а потому именно их слово раскрывает подлинный духовный смысл изображаемого сакрального пространства.

Показательно, что С. П. Шевырёв нередко использует обращение к произведениям церковного красноречия, причем не всегда для толкования памятника. Так осматривая в Троице-Сергиевой Лавре иконы Троицкого собора, он отмечает образ Вознесения. Собственно описание здесь тоже предельно краткое: «в вознесении Спаситель представлен возносящим с собой души праведных» [16, с. 24]. Но оно сопровождается толкованием: «глубокомысленный символический образ примирения человека с Богом во Христе» [16, с. 24]. Далее приводятся слова из проповеди на Вознесение Кирилла Туровского, которые «видятся в этом изображении» автору: «Имеется же с Собою Господь и душа человеческы, яже възнесе на небеса в дар Своему Отцю, их же в горнем граде усели» [16, с. 24]. Здесь мы видим скорее пример сближения иконного изображения и слова проповеди, а не толкование его. Этот эпизод, на наш взгляд, демонстрирует, как в сознании автора отразилось характерное

для русского религиозного представления восприятие близости слова и изображения, равноправие словесного и иконного письма. Естественным следствием такого представления явилось, по наблюдению Б. А. Успенского, «влияние словесности на иконопись и обратное влияние — иконописи на словесность» [14, с. 230]. Именно как влияние слова проповеди на искусство иконы осмыслена эта параллель автором «Поездки»: «Живопись наша, как и духовная поэзия народа, одушевлялась словом проповедников Церкви» [16, с. 24].

Представлен в книге и эпизод, наглядно демонстрирующий мысль автора о важности словесного толкования изображения для его лучшего понимания. В главе, где рассказывается о посещении Троице-Сергиевой Лавры, сразу вслед за описанием росписи трапезной палаты, представлена сцена, в которой содержание росписи объясняется пришедшим на богомолье крестьянам «образованным богомольцем». Автор «Поездки» обращает внимание на то, «с какой жадностью внимала... толпа» говорящему, стараясь не пропустить ни единого слова.

Дальнейшие размышления автора о значении толкования церковной живописи для духовного просвещения народа в определенной степени отражают и идейно-художественную задачу создателя «Поездки»: как «образованный богомольец» открывает «истины Церкви» народу, так и просвещенный и верующий автор книги надеется открыть мир русской духовно-православной культуры своим современникам.

Данный фрагмент интересен не только тем, что иллюстрирует мысль о необходимости словесного дополнения к изображению, но и тем, что в нем представлена ситуация, актуализирующая одну из древнейших форм экфрасиса — диалогическую. Диалогический экфрасис представляет собой запись диалога перед изображением, связанным со священным пространством. Часто он включает с себя мотив путешествия. Зрители — обычно «чужаки», путешественники; экспликатором является служитель храма или один из зрителей, способный истолковать изображение [10].

В приведенном эпизоде диалог не изображается прямо, но предполагается. Его участники — «простаки» и посвященный: в отрывке — крестьяне-странники и «человек, одетый по-нашему», т.е. представитель образованного привилегированного сословия.

Последний выступает в роли толкователя изображенных сюжетов и образов. Показательно предположение автора, что это один из «молодых ученых Академии, по воле начальства принявший эту обязанность перед народом» [16, с. 23], чем подчеркивается причастность его к святыне.

Диалогический экфрасис имеет посвятительную и дидактическую функции. В данном отрывке автором акцентируется просветительно-дидактический характер сцены: «Народ наш готов поучиться, как видно, лишь бы являлись ему добрые учителя. При объяснении духовных картин сколько полезных истин Церкви можно передать народу» [16, с. 23].

Отголоски подобного типа экфрасиса присутствуют и в других эпизодах книги. Причем если в приведенном выше фрагменте автор выступает как сторонний наблюдатель, то в других он предстает как участник имплицитного экфрасического диалога. Так икона Вознесения, вызвавшая в памяти путешественника слова проповеди Кирилла Туровского, была указана автору отцом наместником лавры, а фраза-толкование: «глубокомысленный символический образ примирения человека с Богом во Христе» [16, с. 24] — может быть воспринята в контексте эпизода и как слова отца настоятеля, и как слова путешественника.

Религиозный экфрасис в «Поездке» работает и как «принцип сакрализации художественности как гарантии целостности восприятия» [1, с. 19]. Книга в целом моделирует духовное пространство русской культуры, которое предстает в единстве прошлого и настоящего, природного и культурного начал [8].

Впечатление непрерывности духовно-православной традиции в русской культуре создается автором «Поездки» разными способами: воспоминаниями об исторических событиях и деятелях, связанных с памятником, приводятся сведения об истории храмов и монастырей, на основе житийной литературы воссоздаются образы подвижников. Значительная роль в реконструкции прошлого принадлежит такому принципу построения религиозного экфрасиса, как созерцания в видимом невидимого. Выше было показано, как работает этот принцип при описании храмовой архитектуры. Однако при изображении сакрального пространства автору важно не только прозрение его мистического смысла, но и «историческое» видение, духовное прозрение прошлого. Так при описании

сакральных пространств Троице-Сергиевой Лавры и Кирилло-Белозерского монастыря автор духовным взором стремится увидеть первоначальный облик обитателей, для чего реконструирует в воображении уже утраченные памятники. Примером такого видения внутренним взором является свернутый экфрасис памятников, к настоящему времени утраченных, но знаменовавших собою время основания Кирилло-Белозерского монастыря. Автор «Поездки» с помощью воображения «восстанавливает» несохранившиеся первоначальные святыни монастыря и вписывает их в современный облик священного пространства: «Здесь также и деревянная келья, срубленная преподобным и покрытая древесной корой. <...> *Подле этого места была, вероятно, и подземная пещера, вырытая святым Кириллом.* Здесь-то начались его подвиги. Сюда пришли к нему крестьяне: Ворон и Кикос. *Как бы хотелось вообразить себе отсюда ту малую брусяную церковь, которую в оны времена соорудил Кирилл незванными плотниками.* Теперь на месте оной возвышается одиннадцать благолепных храмов, строенных в разные времена, начиная с конца XV века, всего же более в XVI» (курсив мой. — О.Б.) [16, с. 202]. В данном случае можно говорить о соединении двух экфрасических принципов: религиозного и культурно-исторического, позволяющего преодолевать хроно-топографические границы [1, с. 19].

Заключение. Проведенный анализ позволяет выделить основные структурно-семантические особенности религиозного экфрасиса в «Поездке».

Религиозный экфрасис присутствует в книге наряду с другими типами экфрасиса, в частности искусствоведческим, что определяется синтетичной жанровой природой произведения — ученого путешествия и паломничества — и своеобразием авторского образа в тексте. В отличие от научного (искусствоведческого) экфрасиса, который используется в произведении при описании памятников культуры, в том числе церковно-православной, религиозный экфрасис ориентирован не столько на воспроизведение предметного облика памятника, сколько на выявление его духовного смысла. Поэтика религиозного экфрасиса определяется идеологической точкой зрения автора-путешественника — верующего православного человека, находящегося внутри духовного пространства

русской культуры, но открывающего для себя и потенциального читателя новые сокровища русской истории, культуры и искусства.

Религиозный экфрасис в книге строится с учетом традиционно-христианского эстетического кода. Автор использует психологический толковательный и типы экфрасиса, восходящие к византийской эстетике. Описание выстраивается в соответствии с традиционным для религиозного сознания восприятием религиозного объекта, что проявляется в фиксации движения взгляда при чтении иконостаса, акцентировании не художественного своеобразия, а религиозно-символического значения изображаемого объекта, передаче состояния молитвенного общения с высшей реальностью.

Для раскрытия символического смысла изображаемого объекта автор обращается к авторитету православной духовной словесности, подчеркивая характерное для русского религиозного сознания сближение слова и изображения, а также взаимовлияние визуального и вербального текстов в православной культуре.

Отличительной особенностью исследуемого типа описания является использование диалогической формы экфрасиса, традиционно выполнявшего посвятительную, дидактическую и просветительскую функции, что объясняется основной идейно-художественной задачей автора — открыть современному светскому читателю мир русской православной культуры и показать неразрывное единство русской духовной культуры в ее прошлом и настоящем.

Список источников

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5—23.
2. Меднис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 58—67.
3. Александрова-Осокина О. Н. Религиозный экфрасис в паломническом путешествии Кира Ивановича Бронникова (1824) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. 1. С. 13—15.
4. Александрова-Осокина О. Н. Паломническая проза 1800—1860-х годов: Священное пространство, история, человек. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 432 с.

5. Хайруллина О. Н. Религиозный экфрасис в «Путешествии к святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева (на примере описания Храма Воскресения Господня) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 5. С. 85—88.
6. Бознак О.А. Экфрасис в «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырёва // Русская словесность. 2019. № 1. С. 77—80.
7. Бознак О. А. Научный экфрасис в «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырёва // «Диалоги о культуре и искусстве» : мат-лы VIII Всеросю науч.-практ. конф. с межд участием (Пермь, 18—20 окт. 2018 г.) : в 2 ч. : ч. 1 / отв. ред. Е. В. Баталина-Корнева; ред. кол.: А. А. Лисенкова, М. М. Чудинова, Н. В. Злобина. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2019. С. 358—364.
8. Александрова-Осокина О. Н. Духовное пространство России в книге С. П. Шевырёва «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 94. С. 16—18.
9. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. Киев: Путь к истине, 1991. 408 с.
10. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259—283.
11. Бобрык Р. Схема и описание в научных текстах о живописи. Анализ или экфрасис? // Экфрасис в русской литературе : труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 180—190.
12. Лебедев А. Экфрасис как элемент проповеди. На примере проповедей Филарета (Дроздова) // Экфрасис в русской литературе : труды Лозаннского симпозиума / под ред Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 42—53.
13. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47—57.
14. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
15. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил. Русская книга, 1993. X, 365 с.
16. Шевырёв С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные дни профессора С.П. Шевырёва в 1847 году. М.: Индрик, 2009. 368 с.
17. Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. / Второе Отделение Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. Т. 4. 489 с.

References

1. Geller L. Resurrection of the concept, or the Word about ekphrasis. *Ekphrasis v russkoj literature: trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, MIK Publ., 2002, pp. 5—23. (In Russ.)
2. Mednis N. E. “Religious ekphrasis” in Russian literature. *Kritika i semiotika = Criticism and semiotics*, 2006, no 10, pp. 58—67. (In Russ.)
3. Aleksandrova-Osokina O. N. Religious ekphrasis on the pilgrimage journey of Kir Ivanovich Bronnikov (1824). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & practice*, 2014, no 4 (34), Part 1, pp. 13—15. (In Russ.)
4. Aleksandrova-Osokina O. N. *Palomnicheskaya proza 1800—1860-h godov: Cvyashchennoe prostranstvo, istoriya, chelovek* [Pilgrimage Prose of the 1800s — 1860s: Sacred Space, History, People]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2018. 432 p. (In Russ.)
5. Hajrullina O. N. Religious ekphrasis in “Journey to Holy Places in 1830” by A. N. Muravyov (on the example of the description of the Temple of the Resurrection of the Lord). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 2010, no 5, pp. 85—88. (In Russ.)
6. Boznak O. A. Ekphrasis in “A Trip to the Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevyrev. *Russkaya slovesnost' = Russian literature*, 2019, no 1, pp. 77—80. (In Russ.)
7. Boznak O. A. Scientific ekphrasis in “A Trip to the Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevyrev. *Dialogi o kul'ture i iskusstve: materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Perm', 18—20 okt. 2018 g.). V 2 ch.* [Dialogues about culture and art: materials of the VIII All-Russian scientific-practical conference with international participation (Perm, October 18—20, 2018). In 2 parts]. Part 1. Perm, 2019, pp. 358—364. (In Russ.)
8. Aleksandrova-Osokina O. N. The spiritual space of Russia in the book by S.P. Shevyrev “Journey to the Kirillo-Belozersky Monastery”. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Novgorod State University*, 2016, no 94, pp. 16—18. (In Russ.)
9. Bychkov V. V. *Malaya istoriya vizantijskoj estetiki* [A small history of Byzantine aesthetics]. Kiev: “The path to truth” Publ., 1991. 408 p. (In Russ.)
10. Braginskaya N. V. Ekphrasis as a type of text (to the problem of structural classification). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpato-vostochno-slavyanskije paralleli: struktura balkanskogo teksta* [Slavic and Balkan linguistics. Carpathian-East Slavic parallels: the structure of the Balkan text]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 259—283. (In Russ.)

11. Bobryk R. Scheme and description in scientific texts about painting. Analysis or ecphrasis? *Ekfrasis v russkoj literature: trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ecphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, MIK Publ., 2002, pp. 180—190. (In Russ.)

12. Lebedev A. Ecphrasis as an element of preaching. On the example of the sermons of Filaret (Drozdov). *Ekfrasis v russkoj literature: trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ecphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, MIK Publ., 2002. pp. 42—53. (In Russ.)

13. Yacenko E.V. "Love painting, poets...". Ecphrasis as an artistic and ideological model. *Voprosy filosofii*, 2011, no 11, pp. 47—57. (In Russ.)

14. Uspenskij B. A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moscow, School "Languages of Russian Culture" Publ., 1995. 360 p. (In Russ.)

15. Florenskij P. *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis. Selected works on art]. St. Petersburg, Mithril. Russian book Publ., 1993. X, 365 p. (In Russ.)

16. Shevyryov S. P. *Poezdka v Kirillo-Belozerskij monastyr'. Vakacionnye dni professora S.P. SHEVYRYOVA v 1847 godu* [A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery. Vacation days of Professor S. P. Shevyrev in 1847]. Moscow, Indrik Publ., 2009. 368 p. (In Russ.)

17. *Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian. In 4 vol.] Of vol. 4. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1847. 489 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Бознак Ольга Анатольевна

Olga A. Boznak

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима
Сорокина
ResearcherID G-7788-2016

Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department of Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktывkar State University
ResearcherID G-7788-2016

167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky prosp., Syktывkar,
167000, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

23.08.2021
06.09.2021
22.10.2021